

бой и который занимался организацией истязаний, уже неоднократно совершавшихся в губернии, объяснил, что это значило скамейку для сѣнения. Принесли скамейку, принесли привезенныя съ собой розги и вызвали палачей. Палачи уже впередъ были заготовлены изъ конокрадовъ той же деревни, такъ какъ военные стазались исполнять эту должность.

Когда все было готово, начальникъ велѣлъ выдти первому изъ тѣхъ 12 человекъ, на которыхъ указалъ помѣщикъ, какъ на самыхъ виноватыхъ. Первый выпешдшій былъ отецъ семейства, уважаемый въ обществѣ сорокалѣтнй человекъ, мужественно отстаивавшій права общества и потому пользовавшійся уважениемъ жителей. Его подвели къ скамьѣ, обнажили его и велѣли ему ложиться.

Крестыянннъ попробовалъ молить о пощадѣ, но увидавъ, что это бесполезно, прекрестился и легъ. Двое городскихъ бросились держать его. Ученый докторъ стоялъ тутъ же, въ готовности оказать нужную медицинскую научную помощь. Острожники, поплевавъ въ руки, взмахнули розгами и начали бить. Оказалось, однако, что скамейка была слишкомъ узка и трудно было удержатъ на ней корчившагося истязуемаго. Тогда губернаторъ велѣлъ принести другую скамью и подмести доску. Люди, прикладывая руки къ козырьку и приговаривая: «слушаю, ваше превосходительство», поспѣшно и покорно исполнили приказанія; между тѣмъ, полубоженный, блѣдный истязуемый человекъ, нахмуривъ брови и глядя въ землю, дрожа челюстью и оголенными ногами, дожидаясь. Когда приставлена была другая скамья, его опять положили и конокрады начали опять бить его. Все больше и больше покрывалась рубцами и кровоподтеками спина, ягодицы, лжки и даже бока истязуемаго, и за каждымъ ударомъ раздавались глухые звуки, которыхъ не могъ сдержатъ истязуемый. Изъ толпы, стоявшей вокругъ, слышались всплн женъ, матерей, дѣтей, родныхъ истязуемаго и всѣхъ тѣхъ, которые были отобраны для наказанія.

Несчастный, опыяненный властью губернатора, которому казалось, что онъ не могъ поступать иначе, загибая пальцы, считалъ удары и, не переставая, курилъ папироски, для зкуриваня которыхъ нѣсколько услуживъ лхъ людей вснкій разъ торопились поднести ему зажженную спичку. Когда дано было болѣе 50 ударовъ, крестыянннъ пересталъ кричатъ и шевелиться, и докторъ, воспитанный въ казенномъ заведеннн для служенія своими научными знаннями своему государю и отечеству, подошелъ къ истязуемому, пощупалъ пульсъ, послушалъ сердце и доложилъ представителю власти, что наказываемый потерялъ сознание и что по даннымъ нау-

ки продолжать наказанне можетъ быть опаснымъ для его жизни. Но несчастный губернаторъ, уже совершенно опыяненный видомъ крови, велѣлъ продолжать, и истязанне продолжалось до 70 ударовъ, того количества, до котораго ему почему то казалось нужнымъ довести количество ударовъ. Когда данъ былъ 70-й ударъ, губернаторъ сказалъ: «Довольно! Слѣдующаго!» И изуродованнаго человека съ всухшей спиной и потерявшаго сознание подняли и снесли и привели другого. Рыданія и стоны толпы усиливались. Но представитель государственной власти продолжалъ истязанне.

Также били 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 11-го, 12-го, — каждаго по 70 ударовъ. Всѣ они молили о пощадѣ, стонали, кричали. Рыданія и стоны толпы женщинъ все становились громче и раздирательнѣе, и все мрачнѣе и мрачнѣе становились лица мужчинъ. Но кругомъ стояли войска и истязанне не оставилось до тѣхъ поръ, пока не совершенно было дѣло въ той самой мѣрѣ, въ которой оно представлялось почему то необходимымъ капризу несчастнаго, полупьянаго, заблудшаго человека, называемаго губернаторомъ.

Чиновники, офицеры, солдаты не только присутствовали при этомъ, но своимъ присутствиемъ участвовали въ этомъ дѣлѣ и охраняли отъ нарушеня со стороны толпы порядокъ совершеня этого государственнаго акта.

Когда я спрашивалъ у одного изъ губернаторовъ, для чего производить эти истязанія надъ людьми, когда они уже покорились и войска стоять въ деревнѣ, онъ съ значительнымъ видомъ человека, познавашаго всѣ тонкости государственной мудрости, отвѣчалъ мнѣ, что это дѣлается потому, что опытомъ дознано, что если крестьяне не подвергнуты истязанню, то они опять начнутъ противодействовать распоряженню власти. Совершенное же истязанне надъ нѣкоторыми закрѣпляетъ уже навсегда ршенне власти.

И вотъ теперь тульскй губернаторъ съ чиновниками, офицерами и солдатами ѣхалъ совершать такое же дѣло. Точно такъ же, т. е. убйствомъ или истязаннемъ, должно было првести въ исполненне ршенне высшей власти, состоящее въ томъ, чтобы молодой малый, помѣщикъ, имѣющй 100 тысячъ годового дохода, могъ получить еще 3000 рублей за лѣсъ, мошеннически отнятый имъ у дѣлаго общества голодныхъ и холодныхъ крестьянъ, и могъ промотать эти деньги въ двѣ-три недѣли въ трактирахъ Москвы, Петербурга или Парнжа. На такое именно дѣло ѣхали теперь гѣ люди, которыхъ я встрѣтилъ.

Судьба какъ нарочно, послѣ двухлѣтняго моего напряженя мысли все въ одномъ и томъ же направленн, натолкнула